

ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВО: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Рассматриваются актуальные вопросы, относящиеся к составу преступления, предусмотренного ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации. Анализируются позиции по данному вопросу в российской уголовно-правовой науке. Автор также предлагает свои меры предупреждения лжесвидетельства.

Ключевые слова: ответственность; ложь; свидетель; преступление.

Лжесвидетельство – древний порок. Со лжесвидетелями встречались суды всего мира и держали себя по отношению к ним неодинаково: от преследования до беззащитного попустительства.

О лжесвидетелях упоминалось еще в Книге Ветхого Завета: «Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего» [1. С. 79].

Первый закон против свидетелей, нарушивших клятву говорить правду, появился в средневековой Англии. Этот закон 1563 г. предусматривал в качестве наказания штраф и тюрьму. Лжесвидетеля, которому нечем было заплатить штраф, вывозили на людную площадь и прибивали за уши к позорному столбу [2. С. 38].

В современном уголовном судопроизводстве показания свидетелей являются важнейшим доказательством, способным наиболее полно восстановить картину преступления. Они связывают воедино все значимые факты и позволяют в полном объеме установить обстоятельства, подлежащие доказыванию. Именно поэтому заведомо ложные показания свидетелей препятствуют вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора. Ложь свидетеля в равной степени может привести как к оправданию преступника, так и к осуждению невиновного, в связи с чем любой подобный факт требует адекватного реагирования правоохранительных органов.

Известный американский психолог Пол Экман определяет ложь, или обман, как «действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно, без предварительного уведомления о своих целях и без отчетливо выраженной со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды» [3. С. 23]. По мнению С.И. Ожегова, солгать или обмануть значит ввести кого-либо в заблуждение путем недобросовестного отношения к нему [4. С. 118].

В структуре ложных показаний обычно выделяют два основных фактора: сокрытие (пассивная ложь) и фальсификация (активная ложь). При сокрытии допрашиваемый утаивает какую-либо информацию, не говоря при этом ничего, что не соответствовало бы действительности. При фальсификации же он не только утаивает правдивую информацию, но и подает ложную как истинную [5. С. 8].

В юридической литературе имеются различные высказывания об ответственности свидетелей за умолчание об известных им фактах. Большинство авторов придерживаются точки зрения, в соответствии с которой умолчание о существенных обстоятельствах, относящихся к предмету доказывания либо к предмету иска, при определенных обстоятельствах может образовывать состав преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ [6. С. 51]. Не согласны с такой позицией И.С. Ной, А.Т. Гужин, И.С. Власов, которые считают, что умолчание есть разновидность отказа от дачи показаний [7. С. 88].

Для того чтобы дать надлежащую юридическую оценку умолчанию, необходимо учитывать следующие моменты. Любое показание есть прежде всего сообщение, констатация или отрицание каких-либо фактов, активное участие лица в освещении различных событий. Далеко не каждое умолчание отличается этими признаками. По мнению Е. Худякова, если умолчание выражается в полном воздержании от сообщения об известных фактах, то его вряд ли можно признать ложным показанием. Например, трудно усмотреть показание в поведении лица, ложно утверждающего, что ему ничего не известно о преступлении и таким образом умалчивающего об обстоятельствах совершения посягательства. Подобное «чистое умолчание» является не чем иным, как уклонением от дачи показаний, ответственность за которое предусмотрена ст. 308 УК РФ. Иначе Е. Худяков предлагает квалифицировать случаи умолчания, которые сопряжены с искажением (фактом умолчания) сведений. Если, умалчивая о каких-то отдельных моментах, свидетель извращает тем самым действительное положение вещей, вводит в заблуждение органы предварительного расследования или суда, то это можно рассматривать как ложное показание, ответственность за которое предусмотрена ст. 307 УК РФ [8. С. 21].

Думается, деяние, предусмотренное ст. 308 УК РФ, представляет собой не тайный, а открытый отказ давать показания в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства, в связи с чем умолчание о фактах, имеющих существенное значение для дела, следует, действительно, рассматривать как один из способов заведомо ложного показания. Вместе с тем можно согласиться с существующей в научной литературе точкой зрения о том, что свидетель может нести ответственность только за такое умолчание, когда ему конкретно и недвусмысленно разъяснено, по поводу каких обстоятельств ожидают от него показаний [9. С. 74].

По мнению Н.С. Косяковой, допрос таких лиц следует вести в форме вопроса – ответа, благодаря которой умолчание выразится в зафиксированных в протоколе допроса вопросах и ответах и практически будет совпадать с отрицанием тех или иных фактов, непосредственно относящихся к преступлению [10. С. 68].

Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что умолчание – отрицание вполне логично и обоснованно квалифицировать по ст. 307 УК РФ, но при условии правильного оформления протокола допроса свидетеля. Данная позиция находит поддержку и у современных исследователей. Например, О.А. Зайцев подразделяет свидетелей, дающих заведомо ложные показания, на три основные категории: 1) свидетели, показывающие на допросе вымышленные факты; 2) свидетели, искажающие существующие факты, хорошо им известные; 3) свидетели, умышленно умалчивающие об известных им фактах [11. С. 192–193].

Пассивное лжесвидетельство чаще всего связано с нежеланием контактировать с правоохранительными органами, с негативным отношением к ним в целом или неблагоприятной психологической обстановкой в ходе допроса вследствие, например, нетактичного поведения следователя, нарушения прав свидетеля или халатного отношения к обеспечению их прав. Иногда умолчание о каких-то фактах связано с нежеланием затрагивать интимные стороны жизни, чувством стыда при описании неприличных эпизодов. Активная ложь, наоборот, как правило, является следствием личной заинтересованности свидетеля (желанием выгородить родственника, друга или ухудшить положение другого лица из чувства мести, корыстных или иных побуждений и т.д.).

В связи с этим вполне логичным представляется мнение С.С. Кузьминой, Н.С. Косяковой, Ш.С. Рашковской, О.А. Зайцева, которые предлагают дополнить диспозицию статьи, предусмотренной ст. 307 УК РФ, такой преступной формой лжесвидетельства, как умолчание свидетеля о каких-либо фактах, имеющих значение для дела. Опыт зарубежного законодательства свидетельствует о том, что это способствовало бы лучшему пониманию состава данного преступления. Так, по Уголовному кодексу Болгарии наказывается лишением свободы на срок до пяти лет лицо, которое в качестве свидетеля «подтвердит ложные показания или скроет правду» (ст. 290 УК), по Уголовному кодексу Швеции – «утаивает правду» (гл. 15 ст. 1) [10. С. 68–69].

Еще в XIX в. дореволюционный российский ученый Н.А. Неклюдов отмечал, что при разрешении вопроса о преступности свидетельской лжи следует исходить из того предположения, что лицо, давшее такие показания, является единственным свидетелем и его показания повлияли на правильное принятие решения по делу. Если же ложь не могла послужить во вред обвинению или защите даже в том случае, когда суд положил показания данного свидетеля в основание своего решения, такая ложь должна признаваться непроступной [12. С. 117–118].

Следует отметить, что заведомо ложные показания свидетеля характеризуются тем, что они сообщаются органу дознания, следователю, прокурору или суду и касаются фактов и обстоятельств, имеющих существенное значение по уголовному или гражданскому делу. Показания следует считать ложными, если в них полностью или частично искажаются обстоятельства совершенного преступления или заявленного гражданского иска. В уголовном процессе они относятся, прежде всего, к предмету доказывания. Так, в соответствии со ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию: событие преступления, виновность лица, форма вины, мотивы совершенного преступления; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. В гражданском судопроизводстве существенными следует считать показания, относящиеся к предмету и основаниям иска.

А.Т. Гужин, рассматривая вопрос о том, как отличить безвредную свидетельскую ложь от лжи, состав-

ляющей преступление, разделяет сообщаемые свидетелем сведения на три вида: сведения о фактах, характеризующих преступное деяние и деятеля; данные об отношении свидетеля к обвиняемому или подсудимому, к другим участникам процесса, к делу в целом; сведения о личности самого свидетеля». А.Т. Гужин также отмечает, что в основном важна правдивость ответов по обстоятельствам первого рода, но и здесь он признает юридически безвредную ложь [9. С. 76].

Думается, к «юридически безвредной лжи», не влекущей уголовной ответственности, можно отнести сознательное искажение событий и фактов, от которых не зависит исход дела (например, свидетель при выяснении у него анкетных данных скрывает наличие судимости, неправильно указывает место жительства или работы и т.п.).

Таким образом, говоря о ложных показаниях, необходимо иметь в виду не все сведения, сообщаемые свидетелем при допросе, а только те показания, которые касаются предмета доказывания и имеют существенное значение для дела, в связи с чем необходимо проводить разграничение понятий «ложные показания, влекущие уголовную ответственность» и «ложные сведения, сообщенные при допросе».

Представляется, следует согласиться с мнением И.М. Черных, который считает, что невозможно раз и навсегда установить единый для всех критерий отграничения преступных ложных показаний от непроступных. Этот вопрос должен в каждом конкретном случае рассматриваться судом, который, оценивая ложные показания в совокупности со всеми обстоятельствами дела, обязан решать, в какой степени данные ложные показания, будучи не изобличительными, могли повлиять на ход расследования или рассмотрения того дела, по которому они были даны [13. С. 15].

Несмотря на широкую распространенность такого социального явления, как лжесвидетельство, практика привлечения лжесвидетелей к уголовной ответственности чрезвычайно скудна. Так, по данным ИЦ УВД Томской области в 2008 г. судами г. Томска рассмотрено всего 5 уголовных дел указанной категории. Материалы этих уголовных дел свидетельствуют о том, что заведомо ложные показания, данные свидетелями в ходе предварительного расследования и (или) судебного рассмотрения, касались исключительно обстоятельств, характеризующих событие преступления, и имели цель воспрепятствовать привлечению к уголовной ответственности своих друзей или знакомых.

Думается, значительное число латентных лжесвидетельств порождается и лояльным отношением правоприменителей и, в частности, судей и прокуроров к установленному факту лжесвидетельства.

Согласно проведенного О.А. Зайцевым исследования, к причинам указанной ситуации также относятся: «не работающий» процессуальный порядок возбуждения уголовного преследования и расследования фактов лжесвидетельства; незначительные санкции, предусматривающие ответственность за лжесвидетельство; сложная процедура выявления лжесвидетелей; неудовлетворительно осуществляемое документирование и доказывание данных фактов [11. С. 192–193].

Сложно не согласиться с точкой зрения А.И. Коробеева, Ю.И. Кулешова, которые представляют разреше-

ние данной проблемы в плоскости изменения уголовно-процессуального законодательства, полагая необходимым внести дополнение в ст. 299 УПК РФ о том, что при постановлении приговора суд в совещательной комнате разрешает, среди прочих, вопрос о том, установлены ли при судебном разбирательстве обстоятельства, указывающие на дачу заведомо ложных показаний, и о направлении материалов в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела за дачу заведомо ложных показаний [14. С. 9].

Многие российские ученые (Н.С. Косякова, С.А. Новиков и др.), а также практикующие юристы (В. Дометеев и др.) выступают за ужесточение уголовной ответственности за лжесвидетельство.

Надо заметить, в истории нашей страны уже случались времена, когда наказание за ложь для свидетеля было чрезвычайно суровым, а нередко – просто неоправданно жестоким. Наиболее показательной в этом отношении стала эпоха царствования Петра Великого. Уже к началу петровских преобразований отечественное законодательство предусматривало целую систему изощренных и жестоких мер ответственности за лжесвидетельство, включавшую как денежные, так и телесные наказания. Однако существовавшие меры были признаны Петром I недостаточными. Результатом стал именно Указ «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» от 21 февраля 1697 г. Статья 10 этого Указа весьма лаконична: «А буде же кто свидетель скажет свидетельство лживо, и про то сыщется ж: и за то его ложное свидетельство казнить смертью ж» [15. С. 7].

Таким образом, лжесвидетельство влекло за собой исключительно суровое наказание – смертную казнь.

Не разделяя позиции об ужесточении наказания за дачу заведомо ложных показаний, думается предусмотреть иные меры предупреждения лжесвидетельства, в частности усиление защиты свидетелей и потерпевших от давления обвиняемого и других заинтересованных лиц.

В настоящее время защита свидетелей и потерпевших фактически не осуществляется, т.к. согласно действующего законодательства при возникновении угрозы насилия меры по охране указанных лиц осуществляет орган, расследующий уголовное дело, который

часто в связи с загруженностью не в состоянии выполнить мероприятия по предотвращению посягательств. Вместе с тем нередко возникают ситуации, когда необходима охрана и близких родственников свидетеля или потерпевшего, а это требует изыскания дополнительных сил и средств. В этой связи представляется необходимым создание специального государственного органа на правах федеральной службы, деятельность которого была бы направлена на обеспечение защиты свидетелей и потерпевших.

Кроме того, думается, необходимо дополнить примечание к ст. 307 УК РФ положением, которое бы освобождало от уголовной ответственности свидетелей и потерпевших, давших заведомо ложные показания после сообщения правоохранительным органам о фактах противоправного на них воздействия, если данные органы не приняли мер по их защите, о чем справедливо отмечал А.И. Жилияев [16. С. 140].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

– говоря о ложных показаниях, необходимо иметь в виду не все сведения, сообщаемые свидетелем при допросе, а только те показания, которые касаются обстоятельств, имеющих существенное значение для дела;

– уголовная ответственность свидетелей по ст. 307 УК РФ может наступать не только в случае искажения свидетелями существующих фактов, но и в случае умолчания об известных им фактах, однако при условии оформления протокола допроса таких лиц в вопросно-ответной форме;

– в качестве мер по усилению борьбы со лжесвидетельством видятся, во-первых, изменение уголовно-процессуального законодательства в части дополнения ст. 299 УПК РФ положением о том, что при постановлении приговора суд в совещательной комнате разрешает, среди прочих, вопрос о том, установлены ли при судебном разбирательстве обстоятельства, указывающие на дачу заведомо ложных показаний, и о направлении материалов в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела за дачу заведомо ложных показаний; во-вторых, усиление защиты свидетелей и потерпевших от давления обвиняемого и других заинтересованных лиц путем создания специального государственного органа на правах федеральной службы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Ветхого и Нового Завета. М., 1990. 292 с.
2. Дометеев В. Ответственность за заведомо ложные показания свидетелей // Законность. 2006. № 6. С. 38–40.
3. Экман П. Психология лжи. СПб., 1999. 267 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 4-е изд. М., 1999. 939 с.
5. Семенов В.В. Психологические возможности распознавания лжестности показаний // Российский следователь. 2002. № 4. С. 8–9.
6. Чучаев А.И. Преступления против правосудия. Научно-практический комментарий. Ульяновск, 1997. 192 с.
7. Власов И.С., Тяжкова И.М. Ответственность за преступления против правосудия. М., 1968. 136 с.
8. Худяков Е. Уголовная ответственность за лжесвидетельство // Советская юстиция. 1970. № 14. С. 21–22.
9. Гужин А.Т. Уголовно-правовая борьба с посягательствами на правосудие: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1958. 358 с.
10. Косякова Н.С. Лжесвидетельство // Государство и право. 2001. № 4. С. 66–74.
11. Зайцев О.А. Теория и практика участия свидетеля в уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. 315 с.
12. Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части Русского уголовного права. Т. 4: Скрытие истины: сокрытие своей личности, лжесвидетельство; ложный донос и ябеда; подлог и подделка. СПб., 1880. 292 с.
13. Черных И.М. Ответственность за заведомо ложное показание // Советская юстиция. 1963. № 5. С. 15–16.
14. Коробеев А.И., Кулешиов Ю.И. Лжесвидетельство: наболевшие проблемы правовой ответственности // Российский судья. 2005. № 7. С. 8–10.
15. Новиков С.А. Ответственность за лжесвидетельство во времена Петра Великого // История государства и права. 2008. № 19. С. 7–8.
16. Жилияев А.И. Криминологическая характеристика и предупреждение заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 179 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 27 апреля 2009 г.